

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Общая характеристика движенія философіи въ послѣдніе три вѣка въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ ¹⁾.

Проф. О. А. Зеленогорскаго.

М. Г. Прежде, чѣмъ приступить къ общей характеристикѣ движенія философіи въ послѣдніе три вѣка въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ, позвольте остановить ваше благосклонное вниманіе на вѣшной судьбѣ философіи въ эти три вѣка и кратко очертить отношеніе къ ней различныхъ сферъ общества.

I.

Италія была первою изъ европейскихъ странъ, гдѣ зародилось стремленіе къ самостоятельному и независимому философскому мышленію и міровоззрѣнію. Но въ Италіи философія не нашла себѣ надежнаго пріюта и развивалась недолго. Судьба философовъ была собственною судьбою философіи: *Кампанелла* долго томился въ темницѣ; *Джіордано Бруно* былъ сожженъ на кострѣ; таже судьба угрожала и натуралисту-философу *Галилею*.

Съ юга философія поднялась на сѣверъ—въ Англію, гдѣ условія для ея развитія оказались болѣе благоприятными. Философскіе труды *Бэкона* Веруламскаго поощрялись и награждались самимъ королемъ Англіи—*Іаковомъ I-мъ*. Философія скоро укрѣпилась въ Англіи, сдѣлалась національною и не прерывала своего существованія до настоящаго времени.

Послѣ Англіи мы видимъ появленіе самостоятельной философіи въ первой половинѣ XVII столѣтія во Франціи въ лицѣ знаменитаго философа *Декарта*, котораго обыкновенно называютъ отцомъ новой философіи. Но философія Декарта непривѣтливо встрѣчена была во Франціи и нашла себѣ послѣдователей въ Голландіи, куда удалился и самъ Декартъ. Наиболѣе выдающимся философомъ въ Голландіи въ XVII вѣкѣ былъ *Спиноза* еврейскаго происхожденія, который, выходя изъ принциповъ философіи Декарта, создалъ своеобразную философскую систему.

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Университета 17 Января 1893 г.

Въ Германіи, которую привыкли называть страной философіи и философовъ, философія явилась поздно—во второй половинѣ XVII столѣтія. Философская дѣятельность ея перваго представителя въ Германіи—Лейбница продолжалась и въ XVIII столѣтіи.

Въ XVII столѣтіи философія и наука шли рука объ руку. Философы нерѣдко были и изслѣдователями природы; ученые изучали философскія системы, дѣлали свои изслѣдованія надъ вліяніемъ этихъ системъ и сами писали философскіе трактаты, особенно по логикѣ и методологій. Такого раздѣленія между философами и учеными, какое мы видимъ въ XIX столѣтіи, тогда не было; напротивъ существовала полная солидарность между представителями философіи и представителями науки. Подъ вліяніемъ философскихъ идей, а иногда и при непосредственномъ участіи и содѣйствіи философовъ основывались ученія общества и академіи наукъ. Напр. подъ вліяніемъ идей Бэкона Веруламскаго основано его послѣдователями „Лондонское королевское общество естествоиспытателей“; при содѣйствіи Лейбница основана Берлинская академія наукъ, а впоследствии—по его проекту основана С.-Петербургская академія наукъ. Интеллигентное общество XVII столѣтія съ одинаковымъ интересомъ слѣдило какъ за успѣхами наукъ, такъ и за развитіемъ философскихъ идей; а иногда съ большимъ оживленіемъ встрѣчало появленіе новой философской системы, или новаго философскаго трактата, ожидая найти въ нихъ рѣшеніе высшихъ вопросовъ о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ, которые сильно занимали умы того времени подъ вліяніемъ зародившагося уже скептицизма въ области религіи. Даже ученые увлекались философско-богословскими спорами. Короли и королевы, принцы и принцессы оказывали покровительство философамъ и ученымъ. Напр. шведская королева Христина дала убѣжище Декарту и пригласила его для себя сѣдованій; король Англіи покровительствовалъ Бэкону. Лейбницъ былъ близокъ къ Ганноверскому и Берлинскому дворамъ; сынъ профессора Лейпцигскаго университета сдѣлался наставникомъ и другомъ прусской королевы Софіи-Шарлоты; за мемуары „о реформѣ и организаціи русскаго судопроизводства“ Лейбницъ былъ награжденъ Петромъ Великимъ титуломъ тайнаго юстиць-совѣтника и Императорскою пенсією. Далѣе Спинозу, этого отшельника-философа, отверженнаго отъ еврейскаго общества и признаннаго атеистомъ католическимъ духовенствомъ, Людвигъ Карлъ, принцъ Пфальцскій, приглашалъ въ Гейдельбергскій университетъ читать лекціи по философіи (но получилъ отказъ).

Враждебно встрѣтили философію въ XVII вѣкѣ католическіе теологи. Напрасно нѣкоторые изъ философовъ писали трактаты о томъ, что натурфилософія и изученіе природы не ведутъ къ атеизму, напротивъ,

убрѣляютъ вѣру въ Бога, какъ творца міра. Особенно философія Декарта казалась теологамъ вредною и опасною для религіи. На первый взглядъ это можетъ показаться страннымъ. Какъ извѣстно, Декартъ представилъ доказательства бытія Божія, которыя казались тогда новыми и вѣскими; равно доказывалъ безсмертіе души. Онъ былъ истиннымъ католикомъ и заявлялъ, что „его религія есть религія его матери, религія короля“; одно изъ своимъ сочиненій: „Meditationes“ онъ передалъ даже въ Сорбону на разсмотрѣніе и согласенъ былъ на его исправленіе. Тѣмъ неменѣе онъ долженъ былъ удалиться въ Голландію; да и здѣсь не всегда чувствовалъ себя безопаснымъ со стороны католическихъ теологовъ. Столько-же, если не болѣе, ненавистна была теологамъ и философія Спинозы.

Нельзя не отмѣтить здѣсь и того факта, что къ философіи Декарта враждебно отнеслись и нѣкоторые университеты. Напр. въ Лейденскомъ и Утрехтскомъ университетахъ—въ Голландіи составилось постановленіе объ изгнаніи изъ этихъ университетовъ философіи Декарта (*reicere istam novam philosophiam* и проч.); постановлено не упоминать о философіи Декарта ни на лекціяхъ, ни въ диспутахъ, ни въ другихъ публичныхъ философскихъ бесѣдахъ. Это постановленіе мотивировалось главнымъ образомъ тѣмъ, что философія Декарта подрывала авторитетъ издавна господствовавшей философіи Аристотеля и что она несогласна съ теологіею, такимъ образомъ опасна для религіи и религіознаго воспитанія юношества (въ это время философія Декарта успѣла уже проникнуть въ среду профессоровъ указанныхъ университетовъ). Философія Декарта изгнана была также изъ Парижскаго университета.

Не будемъ долго останавливаться на внѣшней судьбѣ философіи XVIII вѣка. Всякому образованному человѣку извѣстно, до какой степени простиралось увлеченіе философіею въ этомъ столѣтіи. Увлеченіе возрастало прогрессивно и продолжалось почти до конца столѣтія. Центромъ философіи XVIII вѣка была, какъ извѣстно, Франція. Здѣсь выдвинулся цѣлый рядъ философовъ, имена которыхъ всѣмъ извѣстны. Въ Парижѣ открылись философскіе салоны, гдѣ образованныя дамы старались не отставать въ увлеченіи философіею отъ мужчинъ и вели философскіе споры; давались такъ называемые философскіе обѣды и т. д. Въ добавленіе къ этому достаточно указать на одинъ примѣръ для подтвержденія того, въ какомъ почетѣ была философія въ Парижскомъ обществѣ. Когда англійскій философъ Юмъ явился въ Парижъ, то въ первые дни „онъ страдалъ, какъ сообщалъ онъ въ письмахъ къ друзьямъ, отъ приглашеній и восхваленій, которыя пришлось ему выслушивать въ парижскихъ салонахъ“. Даже самъ Дофинь

устроилъ въ честь его праздникъ въ Версалѣ, на которомъ его дѣти— будущіе короли Франціи: Людовикъ XVI, Людовикъ XVIII и Карлъ X должны были сказать ему напередъ приготовленные рѣчи, не смотря на то, что старшему было 9 лѣтъ, второму 8, а младшему 6. Вліяніе французскихъ философовъ въ XVIII вѣкѣ распространялось далеко за предѣлы Франціи. Другія страны Европы старались не отставать отъ Франціи въ увлеченіи философіею. Не говоря объ Англіи, которая дала толчекъ развитію философскихъ идей во Франціи въ XVIII вѣкѣ, Германія и особенно Пруссія во-главѣ съ королемъ Фридрихомъ Великимъ увлечена была французскими философскими идеями. Россійская Императрица Екатерина II вела переписку съ нѣкоторыми изъ французскихъ философовъ и принимала у себя въ С.-Петербургѣ, трактую съ ними о реформахъ и народномъ образованіи.

Въ XIX вѣкѣ положеніе философіи быстро измѣнилось вслѣдствіе политическихъ событій во Франціи конца XVIII столѣтія. Въ Германіи уже при Фридрихѣ II измѣнилось отношеніе къ идеямъ французскихъ философовъ. Самъ Фридрихъ сталъ питать антипатію къ французскимъ философамъ. О Деляметри, напр., онъ писалъ въ это время: „философъ фанатикъ есть болѣе извергъ, чѣмъ всѣ изверги“. Въ концѣ XVIII вѣка со стороны прусскаго правительства сдѣлано было Канту предостереженіе по поводу его сочиненія подъ заглавіемъ: „Религія въ предѣлахъ человѣческаго разума“. Во Франціи настала сильная реакція и гоненіе на философію XVIII вѣка. Былъ періодъ въ XIX вѣкѣ, когда философія снова завоевала себѣ симпатіи правительства и общества. Это—извѣстный періодъ господства въ Германіи такъ называемой *идеалистической философіи*, особенно—философіи *Гегеля*. Когда Гегель читалъ лекціи въ Берлинѣ, сюда стекались слушатели со всѣхъ концовъ Европы. Но насколько было сильно увлеченіе новою философіею, настолько было глубоко разочарованіе ею, которое скоро настало послѣ смерти Гегеля (умершаго въ 1831 году отъ холеры). Съ того времени и до настоящаго въ Германіи не являлось уже болѣе ни одного философа, равнаго Гегелю по оригинальности и вліянію, если не считать пессимиста Шопенгауера, который выступилъ на поприщѣ философіи еще при жизни Гегеля. Въ частности академическая философія не проявляла и не проявляетъ оригинальности. Представители каедръ, повидимому, предпочитаютъ примкнуть въ своихъ основныхъ философскихъ воззрѣніяхъ къ какому либо изъ прежнихъ корифеевъ философіи: Гегелю, Герbartу, Шопенгауеру, особенно—Канту. Университетскія аудиторіи, въ которыхъ читаются философскіе курсы, не отличаются, какъ было прежде, многочисленностію слушателей.

Вообще, сравнивая настоящее положеніе философіи съ положеніемъ ея въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, невольно приходишь къ мысли, что философія клонится къ упадку и замираетъ. Дѣйствительно, существуетъ довольно распространенное мнѣніе, особенно среди представителей науки, что философія въ смыслѣ метафизики завершила циклъ своего развитія и покончила свое существованіе, сдѣлавшись достояніемъ исторіи; новые опыты въ метафизикѣ составили бы въ настоящее время анахронизмъ. Это проповѣдуетъ школа, которая именуется себя философскою, школа такъ называемыхъ „позитивистовъ“ во главѣ съ Огюстомъ Контомъ. Посмотримъ, что покажетъ намъ исторія развитія философіи въ послѣдніе три вѣка.

II.

Нельзя не сознаться, что не легко установить ходъ движенія философскихъ идей въ послѣдніе три вѣка. Здѣсь встрѣчаетъ насъ такое разнообразіе явленій философской мысли, что обнять его, классифицировать явленія по отдѣламъ, указать внутреннюю связь между ними, уловить послѣдовательный ходъ развитія философскихъ идей весьма трудно. Это разнообразіе явленій философской мысли новаго времени для насъ будетъ понятно, если мы примемъ во вниманіе слѣдующее: 1, въ началѣ, когда ново-европейская философія не выступила еще на самостоятельный путь развитія, возстановлены были почти всѣ философскія системы древности; они вліяли потомъ и на самостоятельные труды новыхъ философовъ; 2, въ движеніи новой философіи принимала участіе не одна нація, какъ это было въ древней Греціи, а нѣсколько европейскихъ націй и каждая изъ нихъ клала отпечатокъ своего духа на развивавшіяся философскія системы и философію вообще; это видно даже тамъ, гдѣ, повидному, одна нація только заимствовала философскія идеи у другой сосѣдственной націи (Франція въ XVIII вѣкѣ); 3, христіанская религія и въ частности теологія несомнѣнно оказывали большое вліяніе на ново-европейскую философію; различіе вѣроисповѣданій также отражалось на философскихъ міровоззрѣніяхъ новаго времени; 4, наконецъ, быстрое развитіе наукъ въ новое время, особенно физико-математическихъ и біологическихъ, способствовало построенію новыхъ философскихъ системъ. Прибавьте къ этому индивидуальныя особенности каждаго философа, его происхожденіе, воспитаніе, положеніе въ обществѣ и т. д. При такихъ условіяхъ, конечно, неизбѣжно разнообразіе философскихъ системъ, направленій, міровоззрѣній въ новомъ мірѣ. Но въ краткой рѣчи мы и не ставили себѣ задачи изложить все разнообразіе философской мысли въ новое время; наша задача

не широкая: представить здѣсь общую характеристику главнѣйшихъ философскихъ теченій въ послѣдніе три вѣка.

Какъ не разнообразны были проявленія философской мысли въ продолженіе послѣднихъ трехъ вѣковъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые философскія направленія были особенно устойчивы и живучи; ихъ дѣйствіе и вліяніе было особенно сильно и продолжительно. Сколько можно судить на основаніи изученія этихъ направленій и исторіи ихъ развитія, устойчивость ихъ и живучесть зависѣли главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: а) они зарождались въ сферѣ новыхъ научныхъ изслѣдованій и открытій и развивались въ связи съ этими изслѣдованіями и б) они соответствовали духу времени, настроенію умовъ и культурному движенію европейскихъ обществъ. Эти двѣ причины и сообщали этимъ философскимъ направленіямъ жизнь и продолжительное существованіе.

Одинъ изъ французскихъ мыслителей начала настоящаго вѣка говоритъ, что въ интеллектуальной жизни каждаго народа замѣчается два періода или двѣ эпохи: періодъ *органической* и періодъ *критической*. Въ періодъ критическій господствуетъ анализъ, критика, отрицаніе религіозныхъ вѣрованій, институтовъ государства и его законовъ, а равно—стремленіе преобразовать религію на философскихъ основаніяхъ, создать новые государственные институты и законы на тѣхъ же новыхъ философскихъ и научныхъ основаніяхъ; напротивъ, въ органической періодъ господствуетъ единая вѣра, синтезъ, организація и т. д. Переходя къ новому времени, этотъ мыслитель говоритъ, что въ Европѣ съ XVI вѣка, а именно—съ реформаціи начался *критическій* періодъ, который *философы* продолжали до конца XVIII вѣка, а съ начала XIX стол. долженъ начаться *органической* періодъ. Всякому образованному человѣку извѣстно, что XVIII-й вѣкъ былъ по преимуществу вѣкъ критики и отрицанія, какъ описываетъ его указанный мыслитель; но не все согласны признать тоже по отношенію къ XVII вѣку. Наше дальнѣйшее изложеніе покажетъ, что критическое направленіе XVIII вѣка было непосредственнымъ продолженіемъ того же направленія XVII вѣка. Въ этомъ направленіи пришлось играть наиболѣе видную роль философіи Декарта. Съ нея-то мы и начнемъ свое изложеніе.

Рене-Декартъ, кавалеръ и владѣлец перронскій, съ раннихъ лѣтъ почувствовалъ особенную склонность къ математикѣ. Когда онъ съ 21-го года сталъ служить, по обычаю дворянъ того времени, въ войскахъ разныхъ германскихъ принцевъ, то не сочувствовалъ ни ихъ интересамъ, ни буйному разгулу кочевой жизни и среди походовъ онъ больше занимался изученіемъ страстей, двигавшихъ людьми въ битвахъ, устройствомъ военныхъ орудій и машинъ и законами механики, какъ

онъ самъ передаетъ это о себѣ въ своемъ сочиненіи: „О методѣ“ (Discours de la Methode). На двадцать третьемъ году жизни онъ сдѣлалъ уже приложение алгебры къ геометріи. Мы знаемъ изъ исторіи древней философіи, какое сильное обаяніе производила математика на мыслителей, стремившихся объяснить происхожденіе всѣхъ вещей въ мірѣ. Достаточно указать на Пифагора, Демокрита и Платона. Тоже обаяніе охватило и Декарта, когда онъ отъ математики перешелъ къ метафизикѣ или объясненію міра въ его совокупности, единствѣ, сущности, происхожденіи и т. д. Руководимый собственными изслѣдованіями и изслѣдованіями итальянскаго ученаго и философа — *Галилея*, а равно — и другихъ, онъ рѣшительно сталъ на ту точку зрѣнія, что все разнообразіе міра матеріальнаго сводится къ дѣйствию *геометрическихъ* и *механическихъ* законовъ и изъ нихъ можетъ и должно быть объяснено. Эти законы суть твореніе Бога и при томъ — такое, что Самъ Творецъ желалъ, чтобы они оставались *вѣчными, неизмѣнными и непроложенными*. Когда Декартъ говоритъ о вѣчности и неизмѣнности геометрическихъ и механическихъ законовъ природы, то высказываетъ, что они также неизмѣнны, какъ неизмѣнна Божественная воля, ихъ создавшая.

Другой существенный элементъ въ философіи Декарта, на который здѣсь слѣдуетъ указать, есть *сомнѣніе*, какъ исходный пунктъ философіи. Необходимость сомнѣнія, какъ первоначальнаго умственнаго процесса на пути къ философіи, Декартъ мотивируетъ тѣмъ, что ему не разъ приходилось убѣдиться въ несостоятельности знаній, которыя раньше онъ считалъ несомнѣнными. „Съ самаго дѣтства, говоритъ онъ, насъ удаляютъ отъ истиннаго знанія предрасудки. Отъ нихъ мы можемъ освободиться не иначе, какъ если постараемся *усумниться во всемъ*, что возбуждаетъ хотя малую долю подозрѣнія“. Удаливши такимъ образомъ изъ ума всѣ знанія, слѣдуетъ потомъ принимать только тѣ знанія, которыя несомнѣнно истинны; а для этого необходимъ *критерій* истины. Такимъ критеріемъ истины служить, по Декарту, *очевидность*. „Я рѣшился говорить онъ, принимать за истину только то, что имѣетъ *очевидность* и что представляется духу настолько *ясно и раздѣльно*, что нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ томъ“.

Несомнѣнно, что указанный критерій истины извлеченъ былъ Декартомъ изъ тѣхъ же занятій математикою, на которыя указано выше. Но какъ *всеобщій критерій* истины, онъ привелъ къ такимъ послѣдствіямъ, которыхъ, быть можетъ, и не предвидѣлъ Декартъ.

Критическое и отрицательное направленіе, на которое указано выше, не замедлило воспользоваться философіею Декарта и въ частности — его критеріемъ истины. Прежде всего съ точки зрѣнія этого критерія кри-

тикуется христіанская религія и теологія. Французскій писатель—Бэйль, на котораго философія Декарта произвела сильное впечатлѣніе, съ точки зрѣнія указаннаго критерія подвергъ критикѣ христіанское ученіе о догматахъ и таинствахъ. Въ этой критикѣ онъ между прочимъ говоритъ: „если вы хотите вѣрить только тому, что *очевидно и согласно съ понятіями здраваго смысла*, то примите философію и оставьте христіанство; если же вы хотите вѣрить *въ непонятныя тайны религіи*, то примите христіанство и оставьте философію, ибо имѣть вмѣстѣ и *очевидность и непостижимость* невозможно; соединеніе того и другого такъ же невозможно, какъ невозможно соединеніе двухъ фигуръ — квадрата и круга“. Съ той же точки зрѣнія и въ томъ же направленіи, какъ и Бэйль, продолжаютъ критиковать христіанство англійскіе *свободные мыслители* конца XVII и начала XVIII вѣка. Они, на основаніи критерія истины Декарта, исключили изъ христіанскаго ученія все *непонятное* для человѣческаго разума, какъ-то: догматы, таинства, чудеса и оставили для себя только нравственное ученіе Евангелія, которое они цѣнили очень высоко съ точки зрѣнія здраваго смысла, не находя въ исторіи другого нравственнаго ученія, равнаго по высотѣ христіанскому ученію. Въ томъ же духѣ продолжаютъ критиковать христіанство и французскіе философы XVIII вѣка. Напр. Вольтеръ, этотъ врагъ христіанской догматики, въ сущности повторяетъ то, что высказано было англійскими *свободными мыслителями*, только—въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ эти послѣдніе, отъ которыхъ онъ и заимствовалъ свои идеи о христіанствѣ. Онъ говоритъ напр. о необходимости очищенія религіи. „Должно, друзья мои, очистить религію; и это очищеніе состоитъ въ очищеніи теологіи“, т. е. въ отрицаніи догматовъ и таинствъ и въ удержаніи нравственнаго ученія, проповѣдуемаго христіанствомъ.

Свободныхъ мыслителей иногда называютъ *деистами*. Нельзя сказать, чтобы всѣ философы, которыхъ причисляютъ къ разряду деистовъ, держались строго опредѣленнаго міровоззрѣнія; но, говоря вообще, деистами назывались тѣ, которые, признавая существованіе Бога, отвергали христіанство съ его догматами. Въ этомъ смыслѣ *деизмъ* особенно распространенъ былъ среди философовъ XVII и XVIII вѣковъ въ Англій и во Франціи. Онъ опять-таки стоитъ въ связи съ философією Декарта. По ученію Декарта, Богъ есть творецъ не міра, а матеріи съ ея законами. Это—тѣ геометрическіе и механическіе законы, о которыхъ сказано выше. Міръ образовался самъ собою по этимъ законамъ, коль скоро Творцомъ данъ былъ толчекъ матеріи. Какъ сказано, эти законы, по Декарту, вѣчны, неизмѣнны, непреложны. Деисты, послѣдователи философіи Декарта, признавая неизмѣнность законовъ при-

роды, не допускали возможности чудесъ въ мірѣ и вообще не допускали какого либо вмѣшательства сверхъестественной силы и воли въ природѣ, въ которой все происходитъ по необходимымъ и неизмѣннымъ законамъ; поэтому, отвергали христіанство, какъ сверхъестественное откровеніе, хотя и признавали существованіе Бога, какъ творца.

Подъ вліяніемъ философіи Декарта, въ XVII вѣкѣ было настоящее *обожотвореніе законовъ природы*. Спиноза, философія котораго тѣсно связана съ философіею Декарта, самую божественную природу подчинилъ необходимымъ и неизмѣннымъ законамъ. Съ точки зрѣнія его философіи не только нельзя говорить о свободной волѣ въ человѣкѣ, но и о самомъ Богѣ нельзя сказать, что онъ имѣетъ свободную волю въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ свободную волю; онъ свободенъ настолько, насколько его природа не ограничивается ничѣмъ другимъ и его существованіе независимо ни отъ чего другого. Эти мысли Спинозы о томъ, что природа Бога имѣетъ свои законы, повторяются въ томъ или другомъ видѣ и другими мыслителями, напр. Монтескьё. Деисты не слѣдовали ученію Спинозы, а ограничивались только тѣмъ, что не признавали вмѣшательства въ мірѣ сверхъестественной силы, да и здѣсь не всегда были послѣдовательны. Ньютонъ напр. говорилъ, что дѣйствіе божественнаго всемогущества въ мірѣ необходимо бываетъ тогда, когда послѣдуетъ уклоненіе движущихся небесныхъ тѣлъ отъ своего первоначальнаго пути, дабы не произошло какихъ либо пертурбацій въ мірѣ; также можно указать другихъ деистовъ, которые склонны были признавать божественный промыслъ въ мірѣ.

Вообще же нужно сказать, что какъ въ XVII-мъ, такъ и въ XVIII вѣкахъ преобладало механическое міровоззрѣніе, созданное философіею Декарта. Его поддерживали успѣхи физико-математическихъ наукъ. Представители другихъ наукъ также желали надежду сдѣлать успѣхи въ своихъ наукахъ путемъ тѣхъ же механическихъ принциповъ и математическаго метода; напр., въ медицинѣ явились такъ называемые *ятромеханики*. Психологія, этика, политика разрабатывались тѣмъ-же методомъ и подъ вліяніемъ того же механическаго міровоззрѣнія.

Начало разработки психологіи въ данномъ направленіи положено самимъ Декартомъ. Декартъ былъ *дуалистомъ*, т. е. признавалъ въ человѣкѣ *тѣло* и *душу*; послѣдняя по существу отлична отъ тѣла. Тѣмъ не менѣе его нужно считать родоначальникомъ матеріализма XVIII вѣка. Это произошло естественно и логически послѣдовательно, благодаря оригинальной постановкѣ *дуализма* Декарта. Увлеченный стремленіемъ объяснять весь матеріальный міръ изъ законовъ механики, онъ устранилъ всякое воздѣйствіе души на тѣло. По его ученію существуютъ въ

мірѣ двѣ, сотворенны Богомъ, субстанціи: *протяженіе* и *мысленіе*. Какъ двѣ субстанціи, по природѣ совершенно различныя, они не могутъ дѣйствовать одна на другую. Устранивши такимъ образомъ воздѣйствіе души на тѣло, онъ приступилъ далѣе безпрепятственно къ объясненію функцій тѣлеснаго организма законами механики. Къ этимъ функціямъ онъ отнесъ не только пищевареніе, сердцебіеніе, питаніе и ростъ членовъ, дыханіе и проч., но и „воспріятіе свѣта, звука, запаха, тепла и другихъ качествъ чрезъ органы виѣшнихъ чувствъ, впечатлѣніе ихъ идей въ органѣ общаго чувства и воображенія, воспоминаніе и удержаніе въ памяти этихъ идей, внутреннія движенія аппетитовъ, наконецъ, виѣшнія движенія всѣхъ членовъ“; словомъ—такія функціи, которыя, по принятому мнѣнію, происходятъ съ участіемъ души. „Я желаю, говоритъ онъ, чтобы вы разсуждали такъ, что всѣ эти функціи совершенно естественно происходятъ въ этой машинѣ (организмѣ) въ силу расположенія ея органовъ; *онъ ни болѣе ни менѣе, какъ движенія часовъ или другою автомата съ противовѣсомъ и колесами*“. Животныя, которыхъ психическая жизнь не поднимается выше указанныхъ функцій, оказались у Декарта *чистыми машинами*.

Вся психологія англійскаго философа—Гоббса, современника Декарта, проникнута тенденціею объяснять психическія явленія изъ дѣйствія въ организмѣ механическихъ законовъ, а Спиноза трактуеть о человѣческихъ страстяхъ, какъ о геометрическихъ линіяхъ по методу геометровъ. Матеріалисты XVIII вѣка только продолжали объяснять психическія явленія изъ дѣйствія тѣхъ же механическихъ законовъ, т. е. шли въ своихъ объясненіяхъ по пути, намѣченному Декартомъ. Недаромъ *Деляметри*, одинъ изъ наиболѣе выдающихся французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка, говоритъ о Декартѣ, что онъ „позналъ животную природу и первый виолнѣ доказалъ, что животныя суть чистыя машины“. А душа, существованіе которой въ человѣкѣ доказывалъ Декартъ? Она не соединена съ тѣломъ *оранически*; поэтому легко устраняема, что и сдѣлали матеріалисты XVIII вѣка, послѣдователи принциповъ и метода Декарта.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить здѣсь, что у матеріалистовъ XVIII вѣка были и другіе мотивы къ отрицанію существованія души въ человѣкѣ, равно какъ и существованія Бога, кромѣ теоретическихъ выводовъ, къ которымъ, по ихъ взгляду, приводили наблюденія. Матеріализмъ нерѣдко совпадалъ съ атеизмомъ. И въ XVIII вѣкѣ нѣкоторые изъ матеріалистовъ (не всѣ) были вмѣстѣ и атеистами. Таковъ былъ богатый нѣмецкій баронъ—*Гольбахъ* (который жилъ въ Парижѣ, занимался химіею, участвовалъ въ изданіи Энциклопедіи и давалъ философскіе

обѣды). Этотъ баронъ, подобно древнему философу—Эпикуру, желалъ освободить людей отъ предрасудковъ и чрезъ то сдѣлать ихъ болѣе счастливыми въ жизни. Для этого въ своемъ сочиненіи: „Система природы“ онъ развилъ чисто матеріалистическія воззрѣнія, доказывалъ вѣчное существованіе матеріи и отрицалъ существованіе Бога, какъ творца, и существованіе души въ человѣкѣ. Такимъ образомъ, кромѣ теоретическихъ соображеній и выводовъ были и практическія цѣли, по которымъ матеріалисты XVIII вѣка отрицали существованіе Бога и души. Они думали, что этимъ отрицаніемъ они оказываютъ важную услугу человѣчеству, а именно: разрушаютъ нажитые вѣками предрасудки и суевѣрія. Но такихъ крайнихъ отрицателей и въ XVIII вѣкѣ было немного.

Въ *нравственномъ ученіи* XVII вѣка, разрабатываемомъ по вышеуказанному методу, отвергнуто было существованіе свободной воли въ человѣкѣ; эгоизмъ сведенъ на принципъ самосохраненія; страсти явились необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ дѣйствія механическихъ законовъ въ организмѣ; такимъ образомъ, за эгоизмомъ и страстями признано *законное* право на проявленіе съ точки зрѣнія законовъ природы. Зато въ *политикѣ* все это привело къ тому, что напр. англійскій философъ—Гоббсъ въ своемъ политическомъ трактатѣ требовалъ безусловнаго подчиненія избранной власти, даже если бы эта власть требовала, напр., перемѣны религіи: всякій членъ общества обязанъ безусловно принять ту религію и тотъ религіозный культъ, которые предписываетъ верховная избранная власть. Почти въ томъ же духѣ высказывается и Спиноза. Такимъ образомъ, въ политикѣ философы, повидимому, пришли къ выводу противоположному, чѣмъ къ какому пришли въ психологіи и морали. Но этотъ выводъ былъ послѣдовательнымъ: люди—звѣри съ ихъ эгоизмомъ и страстями, какими представляли ихъ эти философы, могутъ существовать въ обществѣ только при томъ условіи, если они безусловно будутъ подчиняться власти; въ противномъ случаѣ неизбежна борьба всѣхъ противъ всѣхъ (*bellum omnium contra omnes*), что и было, по ихъ ученію, во время *естественнаго* состоянія людей.

Наибольшее вліяніе на философовъ XVIII вѣка имѣлъ англійскій философъ Локкъ. Философское сочиненіе, которое сдѣлало его извѣстнымъ въ философскомъ мірѣ и вліяло на философское движеніе XVIII вѣка, есть: „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“. Въ этомъ сочиненіи Локкъ подвергъ критикѣ ученіе Декарта о врожденныхъ идеяхъ и отвергъ ихъ существованіе въ умѣ человѣка. Другая особенность Локка въ сравненіи съ Декартомъ—та, что онъ, не смотря на свое медицин-

ское образованіе, при объясненіи психическихъ явленій почти не прибѣгаетъ къ механическимъ законамъ, какъ это дѣлаетъ Декартъ. Не смотря на все это, новѣйшая историческая критика все болѣе и болѣе ставитъ Локка въ зависимость отъ Декарта.

Исторически извѣстно, что Локкъ не симпатизировалъ занятіямъ философіею, пока не познакомился съ сочиненіями Декарта. Ясность и отчетливость мыслей Декарта и его философіи увлекли Локка. Особенно Декартъ повліялъ на Локка философскимъ и научнымъ методомъ. Доселѣ мы не говорили о *методѣ* Декарта. Правила метода Декарта (какъ они изложены въ его сочиненіи: „Discours de la Methode“) немногочисленны. Послѣ правила: „принимать за истину только то, что имѣетъ очевидность“, о которомъ уже сказано, второе правило гласитъ: „каждый изъ трудныхъ предметовъ должно дѣлить на столько частей, насколько возможно“ и третье правило: „должно излагать мысли въ порядкѣ, начиная съ предметовъ болѣе простыхъ и болѣе легкихъ для познанія, чтобы постепенно дойти до болѣе сложныхъ предметовъ“; есть и четвертое правило, но оно говоритъ лишь о полнотѣ дѣленія на части. Словомъ, методъ Декарта сводится къ *анализу* или дѣленію на части и *синтезу* или восхожденію отъ простаго къ сложному. Трактатъ Локка сводитъ человѣческія знанія къ двумъ источникамъ: къ *ощущенію* и *рефлексіи*. Ощущеніе обогащаетъ насъ идеями, относящимися къ внѣшнему міру, рефлексія—идеями, относящимися къ внутреннему міру. Простыя идеи ассоціируются между собою, вслѣдствіе чего получаютъ сложныя идеи. Задача изслѣдователя состоитъ въ томъ, чтобы сложныя идеи разложить на простыя (анализъ) и прослѣдить, какъ эти идеи сочетаются между собою (синтезъ).

Локкъ занялъ почетное мѣсто въ психологіи чрезъ то, что поставилъ психологію на путь наблюденія. Для насъ важны *результаты* изслѣдованій Локка, которые мы можемъ формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) врожденныхъ идей нѣтъ у человѣка; душа новорожденного есть *tabula rasa*, т. е. чиста, какъ неписанный листъ бумаги; 2) внѣшнія чувства сообщаютъ намъ знанія лишь о качествахъ предметовъ, а не о сущностяхъ; можно предполагать, что еслибы у человѣка было больше внѣшнихъ чувствъ, то онъ зналъ бы больше качествъ предметовъ, чѣмъ сколько знаетъ теперь; 3) нерѣдко создаются у насъ такія ассоціаціи идей, которыя не соотвѣтствуютъ объективному (предметному) существованію, такъ какъ создаются въ силу случайныхъ обстоятельствъ, обычая и привычки; 4) создавшіяся ассоціаціи имѣютъ *фатальный* характеръ; разъ закрѣпилась извѣстная ассоціація, она имѣетъ характеръ необходимости; ни воля, ни разумъ не въ силахъ

уничтожить закрѣпившуюся ассоціацію; 5) существуютъ извѣстные принципы, по которымъ закрѣпляются ассоціаціи и которые необходимо знать.

Своимъ анализомъ случайныхъ и въ тоже время неразрывныхъ ассоціацій Локкъ далъ критическому и отрицательному направленію XVIII вѣка новую точку опоры. Онъ снова толкалъ на путь *сомнѣнія*, снова требовалъ разбора и критики того, съ чѣмъ люди сжились и свыклись, дабы этимъ путемъ раскрыть, гдѣ находятся у нихъ ложныя ассоціаціи. Человѣкъ снова является у Локка *автоматомъ*—безъ души. Мы, дѣйствительно, не знаемъ опредѣленнаго взгляда Локка на душу. Въ одномъ мѣстѣ Локкъ говоритъ, что ничто не препятствовало творцу сообщить матеріи *мысль*.

Никто не станетъ оспаривать того, что анализъ и критика чрезвычайно важны въ наукѣ и жизни; безъ анализа наука и невозможна. Нельзя отрицать и того, что какъ Декартъ, такъ и Локкъ воодушевлены были самыми чистыми и самыми искренними научными и философскими стремленіями и внесли своими изслѣдованіями въ науку и жизнь чрезвычайно много *ясныхъ* понятій. Но духъ времени и настроеніе умовъ были таковы, что отрицаніе распространялось слишкомъ далеко. Мы здѣсь не кончили бы, если вздумали перечислять и излагать все то, что подверглось критикѣ и отрицанію въ XVIII вѣкѣ. Со всею предшествующею исторіею, со всѣмъ исторически сложившимся и укоренившимся желали поступить такъ, какъ Декартъ поступилъ съ философскимъ и научнымъ образованіемъ всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ. Когда одинъ изъ посѣтителей Декарта спросилъ его: „гдѣ его бібліотека“, онъ привелъ его въ помѣщеніе, въ которомъ обыкновенно занимался анатоміею, и сказалъ: „вотъ моя бібліотека“. Отвергнуши все, отказавшись отъ всей предшествовавшей исторіи, надѣялись построить общество на новыхъ началахъ и жить по истинѣ, любви и справедливости. *Tabula rasa* Локка была очень заманчива въ дѣлѣ перевоспитанія общества. Ребенокъ, предоставленный самому себѣ, находится, по ученію Локка, въ полной зависимости отъ окружающихъ впечатлѣній и тѣхъ ассоціацій, которыя создадутся въ его душѣ. Въ старомъ обществѣ, находящемся подъ гнетомъ суевѣрій и предрасудковъ, онъ съ дѣтства восприметъ всѣ эти суевѣрія и предрасудки; въ новомъ же обществѣ умный и образованный педагогъ предохраняетъ его отъ нихъ; онъ съумѣетъ распорядиться окружающими впечатлѣніями и устранить отъ ребенка впечатлѣнія вредныя, предупредить могущія возникнуть въ его умѣ и закрѣпиться ложныя ассоціаціи. На основаніи ученія Локка, нѣкоторые изъ философовъ XVIII вѣка были

убѣждены, что при помощи рациональнаго воспитанія возможно создать изъ ребенка генія и героя.

Чѣмъ окончился XVIII вѣкъ, всѣмъ извѣстно.

III.

Почти всѣми признано, что нѣмецкій философъ второй половины XVIII вѣка, *Кантъ*, совершилъ переворотъ въ философіи и даль направленіе философіи XIX столѣтія. По нашему мнѣнію, это можно принять съ значительною оговоркою. Англійская философія начала XIX столѣтія находилась въ вліяніи философіи Канта; тоже нужно сказать и о французской философіи. Подъ вліяніемъ философіи Канта находилась нѣмецкая философія. Что касается переворота, сдѣланнаго Кантомъ въ философіи, то, по нашему мнѣнію, Кантъ снова вернулся къ *дуализму* Декарта, только даль ему иную форму: у него установлена радикальная противоположность между *формою* и *матеріею*, *ноуменомъ* и *феноменомъ*, *механизмомъ* и *цѣлесообразностію*, *свободною волею* и *необходимостію*, *нравственнымъ долгомъ* и *чувственными влеченіями*. Дальнѣйшее развитіе нѣмецкой философіи въ зависимости отъ философіи Канта повторяетъ развитіе философіи Декарта, только—въ иномъ видѣ. Какъ въ школѣ Декарта одинъ изъ членовъ его дуализма былъ исключенъ, такъ и въ нѣмецкой философіи послѣ Канта дуализмъ послѣдняго былъ устраненъ тѣми, которые считали себя продолжателями его философіи. Школа Декарта устранила душу и оставила матерію съ ея геометрическими и механическими законами. Продолжатели философіи Канта наоборотъ устранили матерію и оставили душу. По ученію однихъ изъ нихъ міръ представляетъ собою выраженіе процессовъ разума и мысли; по ученію другихъ онъ есть объективированіе воли. Къ числу первыхъ относятся: Фихте, Шеллингъ и Гегель; ко вторымъ относится Шопенгауеръ и его послѣдователи. Снова явилось *пантеистическое* міровоззрѣніе, которое мы видѣли въ XVII вѣкѣ у Спинозы; снова открылась отрицательная критика христіанства у Фейербаха, Бауера, Штрауса. Философія стала вращаться въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Возвратимся снова къ исторіи.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія среди натуралистовъ, изучавшихъ растительное и животное царства, началось новое движеніе, направленное противъ школы Декарта съ ея научно-философскимъ направленіемъ. Эти натуралисты протестовали противъ *механизма* жизни, *автоматизма животныхъ* и противъ того, что можно назвать *математизмомъ*

природы, наконецъ противъ *аналитическаго* метода; они дружно нападали на классификацію, таксономію и номенклатуру въ зоологiи и батаникѣ, создаваемыхъ натуралистами школы Декарта. Во главѣ натуралистовъ новаго направленія стоялъ французскій натуралистъ — *Бюффонъ*. Приведемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ его сочиненій. По поводу своего объясненія питанія и репродукціи онъ говоритъ слѣдующее: „быть можетъ, мое объясненіе питанія и репродукціи не будетъ принято тѣми, которые приняли основаніемъ своей философіи допускать только извѣстное число механическихъ принциповъ и устранить все то, что не зависитъ отъ этого небольшого числа принциповъ. Я признаю, что я смыслю иначе, чѣмъ эти философы: мнѣ кажется, что они, допуская только извѣстное число механическихъ принциповъ, не сознаютъ, до какой степени они суживаютъ философію; они не видятъ того, что за явленіями, къ которымъ эти принципы относятся, существуетъ тысяча другихъ, отъ нихъ независимыхъ“. О животныхъ, которыхъ школа Декарта считала чистыми машинами, Бюффонъ говоритъ: „животное объединяетъ въ себѣ всѣ силы природы; силы же, которыя оживляютъ животное, своеобразны и имѣютъ частный характеръ: животное хочетъ, дѣйствуетъ, самоопредѣляетъ, сообщается съ отдаленными предметами при помощи своихъ чувствъ“. О классификаціи у Бюффона говорится слѣдующее: „природа поднимается по ступенямъ неизвѣстнымъ; слѣдовательно, она не можетъ всецѣло укладываться въ эти дѣленія, потому что она переходитъ отъ одного вида къ другому и часто отъ одного рода къ другому чрезъ такіе признаки, которые мы не въ состояніи уловить, такъ что существуетъ большое количество видовъ и индивидуумовъ съ равнымъ количествомъ признаковъ двухъ сосѣднихъ видовъ: эти виды и индивидуумы не знаешь куда помѣстить и они-то постоянно разрушаютъ проектъ системы. Слѣдовательно, претензіи ботаниковъ создать общія системы — совершенныя и методическія мало основательны“. Вслѣдъ за Бюффономъ повторяетъ тоже самое женеvскій натуралистъ Бонне, а равно — и другіе. Съ новой точки зрѣнія начинается изслѣдованіе различныхъ функцій животнаго организма. Какъ извѣстно, знаменитый физиологъ Галлеръ, примыкавшій къ этому новому направленію въ естествовѣдѣніи, открылъ и доказалъ самобытную раздражимость и обратимость мускуловъ, независимую отъ вліянія нервовъ, которую Картезианцы объясняли изъ общихъ законовъ механики. Бонне рѣшается утверждать, что различіе ощущеній и перцепцій происходитъ не отъ различныхъ видовъ механическихъ движеній, какъ говорили послѣдователи Декарта, а отъ различнаго первоначальнаго устройства органовъ и нервныхъ чувствительныхъ волоконъ и т. д.

Бонне указаль, откуда началось новое философско-научное движеніе въ естествовѣдѣніи, на которое сейчасъ указано нами. Въ одномъ своемъ письмѣ онъ говоритъ о себѣ: „Теодицея (нѣмецкаго философа *Лейбница*) была для моего ума нѣкотораго рода телескопомъ, который открыль мнѣ другую вселенную. Я съ жадностію принималъ изреченія мудрости и усиливался вникнуть въ глубокой смыслъ ихъ. Я не переставалъ удивляться высотѣ и плодотворности принциповъ, которые они развивали“. Что Бюффонъ находился подъ тѣмъ же вліяніемъ философіи Лейбница, это видно будетъ изъ послѣдующаго.

Философія Лейбница доселѣ, можно сказать, не получила еще надлежащей оцѣнки, не смотря на то, что она послѣ философіи Декарта была наиболѣе плодотворною для наукъ. Философія Лейбница возникла въ то время, когда микроскопъ сталъ раскрывать предъ глазами изслѣдователей цѣлый новый міръ, цѣлую вселенную, скрытую отъ невооруженнаго глаза; она и создавалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ этихъ изслѣдованій. Что для философіи Декарта были открытія при помощи телескопа, то для философіи Лейбница были открытія при помощи микроскопа. На сколько устойчивымъ и живучимъ въ философіи и наукахъ было въ XVII и XVIII вѣкахъ философское направленіе, созданное Декартомъ, настолько же устойчивымъ и плодотворнымъ для наукъ и философіи характеромъ отличается, по нашему мнѣнію, и философія Лейбница. Ея вліяніе на науки и философію началось въ XVIII вѣкѣ, но цикль ея развитія не завершился еще и въ наше время.

Въ то время, когда Лейбницъ писалъ свои философскія сочиненія, нѣкоторые изъ послѣдователей философіи Декарта успѣли подготовить почву для идеализма. Въ самой физикѣ чаще и чаще стали обращаться къ изученію *силъ* природы. Идеалисты и матеріалисты постепенно сближались между собою, сводя матерію на *силы* или *центры силъ*. Инертныя массы матеріи являлись такимъ образомъ не самобытными, а производными. Лейбницъ начинаетъ свою философію съ того, что отвергаетъ положеніе Декарта о матеріи, какъ субстанціи. Это однако не значитъ, что Лейбницъ отвергалъ существованіе матеріи съ ея механическими законами; онъ не считалъ лишь эту видимую нами матерію, являющуюся въ массахъ, за нѣчто самостоятельное и самобытное, за субстанцію; *матерія есть феноменъ*, производное, а *сила есть субстанція*. Оригинальность и своеобразность ученія Лейбница въ сравненіи съ другими состоятъ въ томъ, что его силы, какъ субстанціи, суть живыя и саморазвивающіяся силы, суть индивидуумы; онъ называетъ ихъ *монадами*. „Вся природа, говоритъ онъ, полна жизни“. „Вся матерія должна быть полна одушевленныхъ или по крайней мѣрѣ живыхъ субстанцій.

Нѣтъ пункта въ этой матеріи, въ которомъ не нашлось бы цѣлаго безпредѣльнаго міра созданий организованныхъ и скученныхъ вмѣстѣ“. „Каждую часть матеріи можно разсматривать какъ садъ, полный растеній, или какъ прудъ, полный рыбъ: даже каждая вѣтка растенія, каждый членъ животнаго, каждая капля жидкости составляетъ такой же садъ и такой же прудъ“. „Я, говоритъ Лейбницъ, не знаю массъ недѣлятельныхъ; нѣтъ ничего мертваго во вселенной; нѣтъ тѣла безъ движенія, ни субстанции безъ энергіи“. Каждый организмъ состоитъ изъ безчисленнаго множества монадъ, изъ которыхъ каждая живетъ и развивается самобытно и независимо.

Но болѣе подробное и систематическое изложеніе философіи Лейбница заняло бы здѣсь много мѣста; поэтому, мы отмѣтимъ только нѣкоторые пункты ея.

Въ философской системѣ Лейбница наиболѣе видное мѣсто занимаетъ *законъ непрерывности*. Какимъ путемъ пришелъ къ этому закону Лейбницъ, говорить здѣсь не будемъ. Въ силу этого закона всѣ существа природы представляютъ собою какъ бы одну непрерывную цѣпь, будучи размѣщены въ извѣстные ряды по степени совершенства—отъ низшаго до высшаго. „Ни чувства, ни даже воображеніе не могутъ иногда, говоритъ Лейбницъ, точно опредѣлить пунктъ, гдѣ то или другое начинается; всѣ виды, которые граничатъ, или занимаютъ, такъ сказать, области уклоненій или поворота должны быть сомнительны и имѣть характеръ, который можетъ одинаково относиться къ сосѣднимъ видамъ“. „Существованіе зоофитовъ, или *plante-animaux*, какъ называетъ ихъ Buddeus, не имѣетъ ничего уродливаго; напротивъ существованіе ихъ совершенно согласно съ порядкомъ природы. Такова сила *принципа непрерывности* у меня, что я безъ удивленія узналъ бы, что найдены существа, которыя по многимъ свойствамъ, наир., питанію или саморазмноженію могутъ походить на растенія столько же, сколько и на животное и которыя разрушаютъ общія правила, построенныя на предположеніи совершеннаго и абсолютнаго разграниченія между различными рядами существъ, одновременно наполняющихъ вселенную; говорю, я мало удивился бы этому, потому что я убѣжденъ, что слѣдуетъ увидѣть такія существа, что естественная исторія дойдетъ, можетъ быть, когда нибудь до того, что узнаетъ ихъ, если она будетъ больше и больше изучать безчисленные живыя существа, которыя по ихъ малости недоступны простому наблюденію и которыя скрываются внутри земли и въ глубинѣ водъ“. По взгляду Лейбница, „въ непрерывной цѣпи существъ различныя классы, какъ кольца, содержатъ другъ друга“; на этомъ основаніи онъ рекомендуетъ заниматься *сравнительною*

анатомією (собственное выражение его) и *сравнительною фізіологією*. Онъ самъ на основаніи *аналогій* поставилъ нѣсколько гипотезъ, которыя подтверждены были ближайшими натуралистами его школы. Такъ швейцарскій натуралистъ Тремблей изслѣдовалъ *политовъ* и подтвердилъ высказанное Лейбницемъ предположеніе, что нѣкоторыя изъ животныхъ могутъ размножаться, подобно растеніямъ, чрезъ разсѣченіе.

Но законъ *непрерывности* имѣетъ свое значеніе не только въ *пространствѣ*, но и во *времени*. Каждая монада, каждый индивидуумъ развиваются; это развитіе совершается непрерывно и безостановочно въ силу „природнаго стремленія монады переходить изъ одного состоянія въ другое“; въ тоже время развитіе идетъ безконечно малыми ступенями постепенно, такъ что „природа вообще не дѣлаетъ скачковъ“, по ученію Лейбница; каждый шагъ въ развитіи совершается на основаніи предыдущаго и обусловливается имъ; равнымъ образомъ настоящее состояніе чревато бываетъ будущимъ и опредѣляетъ его. *Представленіе*, котораго, по ученію Лейбница, не лишена ни одна монада, на какой бы ступени ни находилась она, опредѣляетъ переходъ монады изъ одного состоянія въ другое.

Нужно здѣсь замѣтить, что Лейбницъ, говоря о развитіи монады и индивидуумовъ, не имѣлъ идеи *эволюціи* въ смыслѣ XIX столѣтія. Да эта идея и не мирилась съ его ученіемъ о *твореніи*, о независимости и *субстанціальности* монады. Тѣмъ не менѣе уже Лейбницъ допускалъ въ пзвѣстныхъ предѣлахъ *измѣняемость видовъ*. Онъ указывалъ на метаморфозы насѣкомыхъ: отпечатки въ скалахъ растеній и рыбъ онъ не считалъ игрою природы, а отпечатками дѣйствительныхъ организмовъ, когда-то существовавшихъ. На основаніи этихъ отпечатковъ и другихъ данныхъ онъ указывалъ на то, что поверхность земли имѣетъ свою исторію измѣненій, которыя на ней раньше происходили. Въ связи съ этимъ и на основаніи наблюденій онъ высказалъ, что многія изъ животныхъ *трансформировались* и нѣкоторые ихъ виды погибли. (Все это изложено Лейбницемъ въ его сочиненіи: „*Протогея*“, напечатанномъ въ 1693 году, а также въ его наблюденіяхъ и объясненіяхъ отпечатковъ растеній и рыбъ, найденныхъ въ скалахъ, которыя помѣщены въ „*Лейпцигскихъ Актахъ*“ въ 1706 году).

Несомнѣнно, что Бюффонъ находился подъ вліяніемъ философіи Лейбница. Приведенныя нами мѣста изъ сочиненій Бюффона согласны съ духомъ и направленіемъ философіи Лейбница; критика классификаціи есть прямо повтореніе сказаннаго Лейбницемъ. Монады Лейбница у Бюффона преобразовались въ *органическія молекулы*. Философія Лейбница дала толчекъ новому направленію въ естествовѣдѣніи, сообщила

новыя идеи, поставила новыя вопросы. Что сдѣлано въ естествовѣдѣніи подѣ живымъ впечатлѣніемъ философіи Лейбница, можно судить по трудамъ Бюффона, Бонне, Тремблея, Галлера, Палласа и друг. Ея вліяніе простиралось и дальше: на Гете, Ламарка, Биша. Вліяніе философіи Лейбница скоро сказалося и въ другихъ сферахъ знанія, кромѣ естествовѣдѣнія. Мы укажемъ здѣсь на *исторію*.

Какъ было сказано, школа Декарта отрицательно отнеслась ко всей предшествовавшей исторіи. Философы XVIII вѣка надѣялись разомъ измѣнить человѣческія общества къ лучшему и осчастливить человечество. Абсурдъ такого убѣжденія сталъ раскрываться подѣ вліяніемъ философіи Лейбница и въ частности—подѣ вліяніемъ его ученія о *законѣ непрерывности*, который одинаково дѣйствуетъ (какъ скоро начали понимать историки школы Лейбница) и въ развитіи человѣческаго рода и человѣческихъ обществъ, какъ онъ дѣйствуетъ въ природѣ и развитіи индивидуальномъ: какъ „*natura non agit per saltus*“, такъ и исторія не дѣлаетъ скачковъ. Гдѣ имѣетъ мѣсто эволюція, тамъ неумѣстна революція или по крайней мѣрѣ не достигаетъ цѣли; равно неумѣстно и пренебрежительное отношеніе къ прошедшему. Настоящее зиждется на прошедшемъ и носитъ въ свою очередь задатки будущаго. „Вмѣсто того, чтобы смѣяться надѣ положительными религіями, или сердиться на нихъ, пишетъ Лессингъ, одинъ изъ послѣдователей философіи Лейбница, не лучше ли видѣть въ нихъ тотъ ходъ, которымъ единственно и исключительно могъ развиваться человѣческій умъ въ *данномъ мѣстѣ* и которымъ будетъ развиваться впредь“. Со стороны этого философа-историка сдѣлана попытка доказать громадное значеніе христіанства въ исторіи развитія человѣческаго рода и человѣческихъ обществъ. Воспитаніе человѣческаго рода чрезъ христіанскую религію будетъ продолжаться и впредь. Лессингъ доказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ рациональность христіанскихъ догматовъ. Были и другіе послѣдователи Лейбница въ XVIII вѣкѣ, которые съ точки зрѣнія идеи прогресса и непрерывнаго развитія стремились установить и освѣтить ходъ развитія человѣческаго рода и человѣческихъ обществъ, какъ-то: *Гердеръ*, *Тюрю*, *Кондорсе* и другіе.

Идея *національности* также высказана была въ первый разъ послѣдователями философіи Лейбница; Картезианцы же XVIII вѣка по преимуществу проповѣдывали *космополитизмъ*. Къ идеѣ національности послѣдователи Лейбница пришли первоначально путемъ естественной исторіи и *антропологии*, а не путемъ сентиментальности. Бюффонъ вслѣдъ за Лейбницемъ и подѣ его вліяніемъ признавалъ и фактически старался доказать *измѣняемость видовъ* подѣ вліяніемъ внѣшнихъ физическихъ усло-

вій, хотя эта измѣняемость и не простирается, по его учению, далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Положивши такимъ образомъ начало *зоологической географіи*, онъ послѣдовательно перешелъ къ *антропологіи*. Признавая съ точки зрѣнія натуралиста единство человѣческаго рода, Бюффонъ объяснялъ происхождение человѣческихъ расъ вліяніемъ тѣхъ же физическихъ условій: климата, почвы и т. д. Продолженіемъ этой эволюціи явились племена и націи. И вотъ мы видимъ, что исторія и антропологія совмѣстно занимаютъ объясненіемъ жизни и развитія различныхъ народовъ. Философско-историческіе труды Гердера въ этомъ направленіи всѣмъ извѣстны; но раньше Гердера Лессингъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія; не даромъ онъ, говоря выше о развитіи ума, прибавилъ выраженіе: „въ данномъ мѣстѣ“. Какъ извѣстно, Монтескье въ своемъ сочиненіи: „О духѣ законовъ“ отстаивалъ идею національности и придавалъ большое значеніе физическимъ условіямъ въ образованіи національнаго духа и т. д. Въ половинѣ XVIII вѣка ведется уже борьба между космополитами, послѣдователями Декарта, и націоналистами, послѣдователями Лейбница.

Наконецъ, въ школѣ Лейбница начинаютъ разрабатываться *соціальная психологія* и *психологія животныхъ*. Въ этой школѣ съ уваженіемъ стали относиться къ національнымъ правамъ и обычаямъ, исторически сложившимся, и изучать ихъ. Въ параллель съ этимъ жизнь и нравы животныхъ также сдѣлались предметомъ изученія натуралистовъ. Особенно *инстинкты* животныхъ обрацали вниманіе изслѣдователей животной природы. Уже въ XVIII вѣкѣ у послѣдователей Лейбница явилось ученіе о *наслѣдственной передачѣ инстинктовъ*, чего не признавали послѣдователи Декарта и Локка; равно какъ—и ученіе объ *измѣняемости* инстинктовъ согласно различному положенію животного среди окружающихъ физическихъ условій и соотвѣтственно его дѣйствительнымъ нуждамъ, относящимся къ самосохраненію и сохраненію рода.

Сказаннаго достаточно, чтобы судить о сродствѣ философско-научнаго направленія, даннаго Лейбницею, съ философско-научнымъ направленіемъ XIX столѣтія. Но чтобы надлежащимъ образомъ отнестись къ современному философско-научному движенію съ исторической точки зрѣнія, для этого необходимо имѣть въ виду одно весьма важное историческое обстоятельство, а именно: вліяніе философіи Спинозы. Этимъ вліяніемъ философско-научное направленіе Лейбница было сдвинуто съ надлежащаго пути развитія. Уже въ XVIII вѣкѣ *Дидро* и *Робинс* отъ философіи Лейбница повернули къ философіи Спинозы и склонились къ *натуралистическому пантеизму* послѣдняго. Особенно въ Германіи во второй половинѣ XVIII вѣка началось движеніе въ сторону *панте-*

истической философіи Спинозы. Симпатіи къ этой философіи проявляются уже у Лессинга и Гердера. Поэтъ и натуралистъ Гёте, который стоитъ во главѣ эволюціонистовъ XIX стол., всецѣло находился подъ вліяніемъ пантеизма Спинозы. Это вліяніе философіи Спинозы перешло и въ XIX-й вѣкъ въ Германіи. Нѣмецкая идеалистическая философія XIX стол. съ ея *пантеистическимъ* характеромъ развивалась столько же подъ вліяніемъ философіи Канта, сколько и подъ вліяніемъ философіи Спинозы. По нашему мнѣнію, и философы-эволюціонисты XIX стол. также примыкаютъ къ философіи Спинозы. Спенсера можно назвать Спинозою XIX стол.

Не нужно, М. Г., удивляться тому, что новая философія нерѣдко проявляла наклонность къ *пантеизму*, т. е. отождествленію міра съ природою и жизнию единой субстанціи съ подчиненіемъ божественной природы необходимымъ законамъ, къ *атеизму* и *материализму*, гдѣ кромѣ матеріи съ ея силами и законами не признавалось другой высшей причины міра, наконецъ—къ *деизму*, выносящему существованіе Бога за предѣлы міра и устраниющему всякое дѣйствіе Бога въ существующемъ мірѣ; не нужно удивляться, что таже философія, трактуя о человѣкѣ, устранила дѣйствіе души на тѣло, отвергала свободную волю въ человѣкѣ, сомнѣвалась въ существованіи души или прямо отвергала ея существованіе. Всѣ эти философскія ученія тѣсно связаны были съ тѣмъ предположеніемъ, что въ этомъ мірѣ все происходитъ по необходимости и по неизмѣннымъ законамъ. Это предположеніе частію поддерживалось успѣхами наукъ, а частію преднамѣренно пропагандировалось философами и учеными въ интересахъ наибольшаго успѣха научныхъ изслѣдованій. Наука имѣетъ своимъ предметомъ изысканіе *всеобщихъ и необходимыхъ законовъ*; сфера науки есть сфера необходимаго: все, что выходитъ изъ предѣловъ явленій, подчиненныхъ необходимымъ законамъ, не подлежитъ наукѣ; между тѣмъ какъ въ знаніи необходимостей заключается сила и могущество науки и тѣмъ дальше въ природѣ наука простираетъ свое знаніе необходимыхъ законовъ и причинъ, тѣмъ дальше распространяетъ она свою власть и господство надъ природою. Послѣ средневѣковой бесплодной для науки схоластики въ XVII вѣкѣ, когда наука стала только укрѣпляться, философы и ученые считали необходимымъ какъ можно сильнѣе упрочить воззрѣніе на міръ, какъ *механизмъ*, подчиненный необходимымъ и неизмѣннымъ законамъ, и устранить противоположное ученіе, господствовавшее въ средніе вѣка у схоластиковъ, о *конечныхъ причинахъ*, дѣйствующихъ въ мірѣ. Бэконъ, напр., называлъ *конечныя причины* бесплодными весталками въ наукѣ. Ньютонъ предостерегалъ физику

отъ метафизики. Въ томъ же духѣ писалъ и Локкъ. Декартъ, какъ мы видѣли, своимъ искусственнымъ анализомъ рѣзко разграничилъ два міра: міръ *необходимости* и міръ *разума и свободы* такъ же, какъ геометръ искусственно отдѣляетъ длину линіи отъ ея ширины, дабы безпрепятственно изслѣдовать одно, игнорируя другое. Все это дѣлалось для наибольшаго успѣха научныхъ изслѣдованій. Но природа и жизнь не могли не наталкивать философовъ и ученыхъ на явленія, которыя не укладывались въ узкомъ и одностороннемъ міровоззрѣніи. И вотъ Лейбницъ, какъ мы видѣли, и цѣлый рядъ натуралистовъ указываютъ на эти явленія, какъ на нѣчто новое, протестуютъ противъ механическаго воззрѣнія на міръ, противъ искусственнаго анализа и неестественнаго разрыва того, что въ природѣ живетъ и развивается органически, какъ индивидуумъ. Въ историческомъ обзорѣніи было сказано, что философія Лейбница скоро сдвинута была съ надлежащаго пути своего развитія вліяніемъ философіи Спинозы. Это было возвратомъ къ прежнему міровоззрѣнію. Наука не могла отказаться отъ своего призванія: изслѣдовать явленія необходимыя. Она установила сначала *последовательность* рядовъ живыхъ существъ, сосуществующихъ въ пространствѣ; перешла далѣе къ изслѣдованію *измѣняемости видовъ* подъ вліяніемъ физическихъ условій; затѣмъ возникла идея *общаго типа* какъ растений, такъ и животныхъ и явилось стремленіе вывести изъ этого типа все разнообразіе растений и животныхъ; наконецъ, все это завершилось тѣмъ, что на мѣсто безчисленнаго множества отдѣльныхъ индивидуумовъ поставленъ одинъ *мировой индивидуумъ*, развитіе котораго снова подчинено необходимымъ законамъ въ смыслѣ механическихъ законовъ. Намъ говорятъ не о природѣ, полной жизни, какъ говорилъ Лейбницъ, а о *неразрушимости матеріи, устойчивости силы, трансформации и эквивалентъ силъ, о дифференціаціи и интеграціи* и т. д. Такова, по крайней мѣрѣ, философія Спенсера.

Говорить далѣе, значить говорить о будущемъ, а здѣсь возможны только личные взгляды и предположенія. Такъ какъ доселѣ мы разсматривали движеніе философіи въ связи съ развитіемъ наукъ, то и о будущемъ движеніи ея мы выскажемъ свои предположенія только съ этой точки зрѣнія. Историческій ходъ развитія наукъ въ новомъ мірѣ, кажется, достаточно опредѣлился. Сначала наука занималась по преимуществу неорганическою природою; затѣмъ перешла къ изученію органической природы. Въ настоящее время *человѣкъ и человѣчскій родъ* съ его исторіею дѣлаются предметомъ особенно внимательнаго изученія. Это не можетъ не повліять на будущее развитіе философіи. Если изученіе животнаго царства вызвало появленіе философской

системы, исходнымъ пунктомъ которой былъ *индивидуумъ* съ его само-бытностію и самостоятельностью, то тѣмъ болѣе изученіе *человѣка, какъ личности*, должно закрѣпить дальнѣйшее развитіе философіи Лейбница въ его основныхъ принципахъ. Въ естественной исторіи индивидуумъ все же ступшевывается въ *видъ* и поглощается видомъ; натуралистъ говоритъ объ индивидуумѣ настолько, насколько *способнѣйшіе* изъ индивидуумовъ передаютъ свои свойства въ поколѣніе: эти индивидуумы въ большинствѣ случаевъ ему неизвѣстны; они предполагаются. Не то въ исторіи челоѣческаго рода. Здѣсь способнѣйшіе, т. е. *великіе люди* намъ извѣстны; ихъ личность со всею ея индивидуальностію ярко выступаетъ передъ нами. Лейбницъ училъ, что каждый организмъ состоитъ изъ безчисленнаго множества монадъ, изъ которыхъ каждая живетъ своею индивидуальною жизнью. Эту индивидуальную жизнь всего удобнѣе изучать въ общественномъ организмѣ. Если доселѣ естественныя науки вліяли на нравственно-политическія и историческія науки, то въ будущемъ можно ожидать обратнаго или, по крайней мѣрѣ, взаимнаго вліянія.

Еще одно слово по поводу дальнѣйшаго движенія философіи. Когда философія, такъ сказать, обновляется, тогда, сколько можно судить на основаніи предшествующей исторіи, это обновленіе идетъ со стороны націи, дотолѣ не участвовавшей въ общемъ философскомъ движеніи. Современный французскій писатель—Поль-Жанè въ своей статьѣ: „Географія философіи“ (Revue philosophique. Октябрь 1889 г.) говоритъ, что пока Россія и Америка остаются такими странами, которыя не принимали участія въ общемъ философскомъ движеніи, если со стороны Россіи не считать „нигилизма“. Поль-Жанè, повидимому, склоненъ ожидать въ будущемъ слова по философіи со стороны Россіи—на томъ основаніи, что, какъ показываетъ исторія, послѣ Англии въ XVII вѣкѣ, Франція въ XVIII вѣкѣ сдѣлалась центромъ философіи, а вслѣдъ за нею Германія—въ XIX вѣкѣ, что какъ бы указываетъ на то, что философское движеніе въ *географическомъ отношеніи* совершаетъ путь съ запада на востокъ—въ Азію, гдѣ она первоначально зародилась въ древности. Конечно, это пока относится къ смѣлымъ предположеніямъ; да и самъ Поль-Жанè, высказавши это предположеніе, снѣшитъ оговориться, относя это къ мечтамъ впередъ забѣгающаго воображенія. Желать этого и стремиться къ этому есть, какъ намъ кажется, наша обязанность, какъ націи, вступившей уже въ общее движеніе европейской цивилизаціи. Но не нужно забывать того, что *изъ науки и на почвѣ научныхъ изслѣдованій и открытій вырастаетъ философія*. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до настоящаго времени.